

Брутто и нетто Владимира Крайнева

Россия. — 2004. — 18-24 марта — с. 14

Беседовали
Дмитрий Злодоров,
Дарья Токарева

Для Владимира Крайнева 2004 год — юбилейный. 40 лет назад ныне прославленный пианист вышел на сцену с сольным концертом, уже 10 лет как организовал Детский благотворительный фонд. Но самое главное — Крайнева угодило родиться 1 апреля, в самый несерьезный день, и в этом году он будет справлять свой праздник жизни в 60-й раз.

— Вы родились первого апреля, обладаете чувством юмора, работаете в Ганновере — городе, где жил известный выдумщик барон Мюнхаузен. Такое ощущение, что все это звенья одной цепи. Как думаете, какое из них главное?

— День рождения, конечно. Без него и всего остального не было бы. А чувство юмора очень помогает в жизни. Для того чтобы жить в Советском Союзе, а теперь в России, нужно обладать огромным чувством юмора.

— А вы не думаете, что родиться 1 апреля — это что-то сродни диагнозу?

— Может быть. Вообще-то Рахманинов, который тоже родился 1 апреля, посмеяться любил, но был довольно сумрачным человеком. Правда, развеселить его было легко. Я не думаю, что дата рождения играет в характере человека уж очень важную роль, хотя какое-то влияние, безусловно, оказывает.

— Чувство юмора помогло вам начать серьезную карьеру: на Конкурсе Чайковского в 1970 году, где вы победили «за явным преимуществом», на жеребьевке вам достался последний номер, тогда при «помощи» телеэкрана вся страна по движению губ угадала вашу реакцию...

— Я никак не ожидал, что выйду последний номер. Это было очень плохо, тем более что впереди меня оказалось 74 участника — ждать долго, перед выступлением можно перегореть. Вот и прошептал то, что думал. Потом, правда, все номера перемешались. А третий тур я начинал уже спокойно, потому что был лидером.

— Помните ли вы те ощущения, которые испытали, когда впервые увидели свое имя на афише?

— Свое имя на афише я увидел гораздо раньше — еще в школе, когда выступал на всевозможных вечерах. Так что концерты-то были. Но обычно отсчет творческого пути ведется с первого сольного выступления, когда остаешься с публикой один на один.

— Накануне мы созвонились в 11 вечера, а сегодня в 12 дня уже пришли на интервью. Честно говоря, не ожидали, что вы согласитесь встретиться так быстро. Да и трубку в столь поздний час, думали, не возьмете...

— Я — сова, так что все дела делаю вечером. Даже в Германии, где после девяти вечера звонки обычно прекращаются, мне звонят, потому что знают — я прихожу из школы домой поздно. Мобильный с собой на работу не беру, чтобы не мешали. Мои импресарио, все друзья знают, что со мной лучше общаться по вечерам. А со встречей вам просто повезло — я специально оставил день для того, чтобы спокойно позаниматься.

— На ваших концертах создается ощущение, что главное действующее лицо там не Крайнев, а Музыка...

— Это замечательно, я очень доволен, что вам так показалось. Ради таких ощущений мы и играем. Не я в искусстве, а искусство во мне — это закон Станиславского, закон и моего учителя Генриха Густавовича Нейгауза. Не я и Бетховен, а Бетховен и... где-то я. Конечно, во время концерта музыка выходит через меня, но все равно она остается главной. Другое дело, что крупная личность всегда будет проявляться — это очень важно.

— Как вы ощущаете это состояние — «музыка в душе»?

— Вся жизнь моя — это музыка в душе. Поэтому не могу сказать, что есть какие-то уж очень большие различия между состоянием, когда я выхожу на сцену, или сижу дома за роялем, или работаю с учениками. Конечно, на сцене все ощущается ярче и звучит гораздо более интенсивно. Но сейчас, когда столько лет на эстраде, самое главное, как ты ощущаешь себя физически.

— Простите, вы действительно сказали «на эстраде»?

— Не ослышались. А куда же мы выходим — на эстраду. В переводе с итальянского «эстрада» и есть «сцена». Ведь только у нас с этим словом ассоциируется лишь легкий жанр. Я считаю себя эстрадным артистом в первоначальном звучании этого слова.

— Есть разница между тем, как вы исполняете любимую музыку и произведения пусть тоже хорошие, но не самые любимые?

— Разницы нет, потому что я не исполняю нелюбимую музыку — такого не бывает. Я уже достиг того положения, когда могу позволить играть только то, что хочу. К счастью, вместе с советской властью отменили положение, по которому мы должны были давать 30 концертов в год, пропагандируя советскую музыку. Теперь если уж я выношу в афишу то или иное произведение, то значит, в данный момент оно мне нравится. Конечно, Шопен и Прокофьев находятся со мной на протяжении всей моей жизни, но с ними рядом идут Моцарт, и Бетховен, и Шуман, и Скрябин, и Дебюсси, и Мусоргский, и Рахманинов. Как говорил Нейгауз, «это океан фортепьянной музыки».

— Год назад вы говорили, что русских музыкантов на Западе всячески «задвигают», «прокатывают» мимо различных премий. Сейчас ситуация изменилась?

— Мы просто надоели. Был период, когда наши музыканты побеждали едва ли не на всех конкурсах. Дело в том, что с распадом Союза у нас прекратился так называемый внутренний отбор. С одной стороны, это хорошо, поскольку отпала лишняя преграда, но с другой — теперь могут ехать и не самые лучшие. Конечно, средний уровень стал гораздо ниже: у кого есть деньги, тот и играет. А например, на моем детском конкурсе пианистов в Харькове побеждают чаще всего ребята из необеспеченных семей. Для того мы и создали благотворительный фонд, чтобы помогать им, чтобы они могли расти и развиваться, добиваться новых высот.

— Чем сейчас живет Международный детский благотворительный фонд Владимира Крайнева?

— Поддержкой детей. В основном мы, конечно, следим

Даже когда Крайнев берется судить, на первом месте для него музыка, а уж потом — регалии. Фото ИТАР-ТАСС

за ребятами, которые участвовали в конкурсе юных пианистов в Харькове, причем независимо от полученных ими премий. У меня был один мальчик, который в свое время с трудом получил третью премию. Потом он учился у меня в Ганновере. А сейчас он победил на нескольких престижных европейских конкурсах. Зовут его Денис Процаев. Он много гастролирует, его имя стало очень известным в Европе, особенно в Германии. У нас проходит много концертов не только по стране, но и за рубежом: ребята принимают участие в знаменитом фестивале в Кольмаре, недавно очереда группа вернулась из Израиля.

— Среди ваших ребят есть новые Крайневы?

— А зачем Крайневы? Пусть будут самими собой, главное, чтобы у каждого из них было свое лицо. Я стараюсь помогать им в этом, про-

должая завет Генриха Нейгауза, у которого училась целая плеяда замечательных пианистов, и ни один не был похож на кого-то другого. Он старался вытянуть наверх все самое ценное, что присуще данному исполнителю. И я не хочу, чтобы появился отряд «обезьян Крайнева», каждый должен быть личностью.

— Вы выдержали испытание славой. Легко ли вашим ученикам проходить через медные трубы?

— Очевидно, я являюсь для них каким-то примером. Они же видят с моей стороны какое-то ироничное отношение ко всем наградам и званиям: есть они — замечательно, нет — ничего страшного. Народ ведь идет не на звания, людей не интересует, лауреат я или нет. Другое дело, что 40 лет назад без звания лауреата меня просто не выпустили бы на сцену. Ребята все это чувствуют. А потом со мной ведь до-

вольно сложно уходить в нирвану от успехов — я тут же опускаю туда, куда надо. Меня интересует, как человек играет сейчас, а не то, какие у него были успехи. Мои ребята не почивают на лаврах, они фанатики своего дела, это очень важно.

— Вот вы все работаете, работаете... А с женой, Татьяной Анатольевной Тарасовой, видите редко...

— Да, последнее время у нас любовь в основном по телефону. Так получается, что она вынуждена работать за рубежом. Здесь совершенно ничего никому не нужно — только деньги. Но перед 1 апреля мы, конечно, встретимся. У Тани в марте — чемпионат мира в Мюнхене, оттуда она заедет в Ганновер, а потом мы поедem в Москву. Кстати, 2 марта у нас была серебряная свадьба. Но 25 лет — это «брутто», а «нетто», конечно, намного меньше.